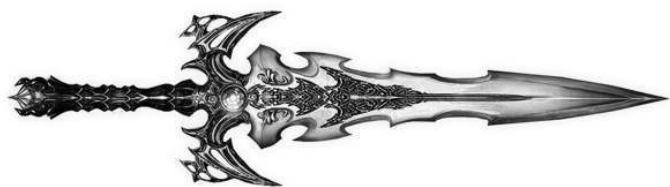

Хроники Аальхарна

Антон и Лариса
ПЕТРОВИЧЕВЫ

НА ГРАНИЦЕ ЧУМЫ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос = Рус)6-44
П30

Серия «Хроники Аальхарна»

Художник *Оксана Ветловская*

Дизайн: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

© Антон и Лариса Петровичевы, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

ВРАГ ГОСУДАРСТВА

Все произошло очень быстро. Андрей даже и предположить не мог, что его дальнейшая судьба будет решена настолько стремительно и настолько цинично.

Судебных заседаний в отдельных залах не проводили уже лет четыреста — как раз с момента наступления эры Гармонии, когда преступность исчезла по определению: так, редкие эпизоды, которые неизбежны даже в просвещенное время. Отдельная комнатка в местном отделении жандармерии и минимум присутствующих — судья, адвокат и прокурор, подсудимого в магнитных наручниках и механического секретаря в расчет можно было уже не брать.

Собственно, для Андрея вариантов развития событий было всего два — исправительные работы в колониях или Туннель. Колония на Зейдне считалась очень мягким приговором, несмотря на то что смертность среди выкупавших жизнь трудом во имя Гармонии составляла ни много ни мало семь-

десять пять процентов, так что в принципе можно было и уцелеть. Шансы оставались. А вот если Высокий суд впадет вам больше пяти лет общего режима, то на чудо возвращения домой можете даже не рассчитывать, потому что не было случая, чтобы работа в шахтах по добыче иридия-182 хоть кому-нибудь прибавила здоровья, особенно после того, как финн Август Топпинен в 2293 году предложил обработку иридия прямо на месте добычи катализатором собственного изобретения, что повышало его полезные свойства как топлива в тысячи раз, но и усиливало его излучение в той же пропорции. Люди гибли от лучевой болезни через месяц максимум, и это притом, что они постоянно менялись и работали в костюмах четвертого класса защиты, который выдавали только планетарным разведчикам, под подпись, да и то ненадолго. Про вариант с Туннелем Андрей старался не думать, уныло перебирая в голове то, что знал о возможных приговорах. Потом и это стало тяжело, и он просто отодвинул нежелательные мысли на задворки памяти и стал вспоминать о том, как встретил Ингу в медицинском колледже. У нее были потрясающие глаза цвета бутылочного стекла — Андрей видел старинные пивные бутылки в музее и хорошо помнил их цвет — и эти потрясающие глаза вместе с кудрявой гривой пышных волос цвета спелой пшеницы ментально сводили с ума любого мужчину, который находился рядом.

Дальше вспоминать не хотелось. Инга и сыновья подписали отказ от него — сразу же после того, как жандармы надели на Андрея наручники. Уди-

вительные темно-зеленые глаза смотрели устало и с печальным раздражением, словно никогда не принадлежали его любимой жене: в них будто бы погас дающий жизнь и тепло огонь, и осталась только усталость и желание побыстрее закончить неприятный жизненный эпизод, которым вдруг стал весь их брак. Неужели все это — отказ жены, отречение детей, осуждающие взгляды соседей, лестница в доме, по которой его стаскивал конвой,— случилось только вчера?

— Андрей Петрович Кольцов?

Господи, подумал Андрей, до чего же противный голос. И ведь будут сейчас ломать комедию, словно действительно верят во все, что говорят, а не работают на камеру Ока Гармонии, что сейчас мигает под потолком, записывая происходящее. Хотя, может быть, они и правда верят — и это страшнее всего, по большому счету.

— Да, господин судья, я вас слышу.

Судья усмехнулся.

— А мне показалось, что у вас снова этот странный припадок,— он опустил взгляд к планшету, уточняя термин, и проговорил с полувопросительной интонацией: — Ломка?

— Подсудимому уже сделали временную блокаду, ломка снята,— чуть ли не зевая, произнес адвокат. Был он толст и лыс, ему было жарко и наверняка хотелось ледяного пива в запотевшем стакане: прикосновение — и по стеклу побегут капли. Андрей почему-то подумал, что люди такого типа очень любят пиво. Конечно, оно было вне закона, как и любое другое одурманивающее

вещество, за это могли оштрафовать и даже посадить, но для истинных слуг Гармонии всегда делались небольшие поблажки. Например, пиво, которое до сих пор варили в закрытых пивоварнях для спецпользования.

— Понятно,— кивнул судья.— Занесите информацию в протокол. Евгений Олегович, прошу вас.

Прокурор, нервный, худощавый и стремительный, словно хищная рыбина, поднялся с места и вышел к столу судьи. Было видно, что этому слуге Гармонии сейчас хочется одного: служить. Он как раз из тех, кто верит, что живет и действует не напрасно. Что ж, таким везет: не нужно ни о чем думать, понимать, анализировать — просто верь, и все будет хорошо, а мир, в который ты так пылко веришь, непременно позаботится о тебе.

— Андрей Петрович, еще несколько вопросов,— начал прокурор.— Вы получили высшее медицинское образование в Бостоне, Североамериканская федеральная земля?

— Абсолютно верно.

— То есть, вы как профессиональный медик осведомлены о вреде, который наркотики наносят человеческому организму?

— Да.

— И вы так же знаете, что они запрещены законом, не так ли?

— Вы у нас знаток законов, но, судя по тому, что я здесь, это так,— Андрей вяло усмехнулся.

— Где вы достали этот, как его...— Прокурор потыкал пальцами в планшетку и произнес: —

MDA! Наши эксперты никогда не слышали о таком.

И неудивительно, подумал про себя Андрей, наркотики уже, как минимум, два века не существуют: исчезли после появления нейроблокады в 2247 году, как раз после изобретения Туннелей. Или Туннели были потом? Да черт его знает... Теперь это неважно. Совершенно неважно.

— Вы ни за что не поверите, господин прокурор,— спохватился Андрей. По бледным губам прокурора скользнула тень улыбки.

— Попробуйте объяснить,— предложил он.— Возможно, собравшиеся здесь не так глупы, как вам кажется. Попробуем понять.

— Я прочитал в детской энциклопедии младшего сына про великого ученого древности — Менделеева, который создал таблицу химических элементов, увидев ее во сне. И когда я лег спать, мне приснилась формула, я попробовал синтезировать это вещество — вот и получилось!

Андрей ожидал, что прокурор потеряет терпение, однако этого не произошло.

— Хорошо, пусть так. И что же вы сделали потом?

Андрей пожал плечами.

— Врачи испокон веков все лекарства проверяли на себе. Это что-то вроде нашего кодекса чести, если вы, конечно, понимаете, о чем я.

Прокурор почесал кончик носа. Видимо, о чести он не задумывался в принципе.

— Значит, лекарство,— раздумчиво повторил он, решив, видимо, не цепляться к словам.— Допу-

стим. Андрей Петрович, потрудитесь объяснить, от какого именно заболевания должно помогать ваше лекарство. Насколько я понимаю медицину, лекарства не изготавливают просто так, ни от чего?

Андрей вздохнул. Помолчал, раздумывая, стоит ли усугублять свое и без того незавидное положение.

— Это лекарство от Гармонии, уважаемый господин прокурор.

Прокурор вскинул брови, адвокат хмыкнул. Судья покачал головой, словно хотел сказать: эх, угораздило человека.

— Я, к сожалению, не знаток современных заболеваний,— сказал прокурор. Андрей взглянул ему в лицо — издевается? Нет, абсолютно серьезен.— Что же это за недуг?

Андрей едва не рассмеялся в голос. Нервное, это уже нервное, надо взять себя в руки и раз уж начал, то довести дело до конца.

— А стоило бы знать, этому недугу уже четыреста лет,— с максимальным спокойствием ответил он.— И мы все им бодем.

Зрачок камеры под потолком встрепенулся, наводя прицел на подсудимого. Видимо, незримый наблюдатель наконец проявил заинтересованность. Прокурор, который наверняка попал в крупный план, приосанился.

— Андрей Петрович, решается ваша судьба,— почти ласково пожурил он.— Я искренне прошу вас, будьте благоразумны.

— Я уже устал быть благоразумным,— пробормотал Андрей, угрюмо глядя в пол.— Я был благо-

разумным всю жизнь, а потом понял, что не желаю быть еще одной консервной банкой в вашем дивном новом мире, который не хочет развиваться и прикрывает свою первобытную подлость разглагольствованиями о современной красоте и силе духа, которые повсеместно воплощены в жизни стараниями Президента.

Его слушали. Его слушали очень внимательно. Зрачок камеры периодически мигал и вновь впиался электронным взглядом в человека, сидящего на скамье подсудимых.

— Вы насыпали полные кормушки. Вы создали прекрасные стойла. Вы выгуливаете нас на самых лучших лужайках,— он знал, что его не перебьют, и это была единственная возможность сказать все. Сейчас.— Но если кто-то из нас собирается поднять голову к небу, то вы отправляете его в Туннель, потому что небо нам положено видеть только в лужах.

Голос предательски дрогнул: Андрей понял, что говорит не то и не так, что мечет бисер перед свиньями, но остановиться уже не мог.

— Дело в том, что кормушки — это еще не все. Конечно, большинству их вполне хватает, но я не хочу так. Мне нужно развитие, пусть и в негативную сторону... Хотя кто решил, что эта сторона неправильная? Те, кто крутит по Сети ролики о том, насколько прекрасна Гармония,— вот они уверены, что знают все лучше меня. А я не хочу, чтобы за меня решали, черт возьми, какой кофе пить, что читать и какую женщину в какой позиции любить. Я волен сам распоряжаться собой и своей жизнью,

а не класть ее на алтарь Президента и его светлых идей по поводу нашего будущего. Распоряжаться своей жизнью! — воскликнул он. — Неотъемлемое право! Но вы и его отняли. Умудрились. Нашли способ.

— Господа, да он сумасшедший! — возгласил адвокат, который решил, видимо, что надо хоть слово молвить на процессе, а не сидеть дежурной декорацией. — Только умалишенный способен говорить подобные речи, это же типичный бред безумца. С вашего позволения, коллеги, я в свое время видел одного такого беднягу. Это действительно безумие, я ручаюсь.

— Я здоров, — хмуро сказал Андрей. Внезапный порыв вдохновения схлынул: он ощущал только глухую усталость, ничего больше, потому что все действительно было напрасно. — Говорю как врач: я абсолютно здоров.

— Отлично, — кивнул прокурор. — Тогда, я полагаю, ничто не мешает огласить приговор?

— Пожалуй, — судье уже порядком надоело это нелепое заседание: это было девятое слушание за сегодня, он устал и больше всего хотел сейчас отправиться домой.

— Итак, в соответствии с законом Объединенных Федеральных Земель, за синтезирование, хранение и употребление наркотических веществ, мешающих индивиду полностью отдать себя и свою жизнь Гармонии, главный врач Московского военного окружного госпиталя Кольцов Андрей Петрович приговаривается к транспортировке через Туннель на планету, выбранную методом случай-

ного извлечения из Астронавигационного реестра. Без права обжалования. Без права на Церемонию прощания. Без права передачи своего имущества кому-либо. Приговор будет приведен в исполнение в течение двенадцати часов.

— Подтверждаю,— судья сегодня был краток, как на похоронах; впрочем, это и были похороны: никто еще не возвращался на Землю из подобной ссылки.— Подсудимый, приговор вам понятен?

— Более чем,— кивнул Андрей.— Более чем понятен.

— Занесите в протокол,— продолжал прокурор.— Подсудимый в последнем слове осознал свою вину перед Гармонией и смиренно поблагодарил общество за то, что оно было к нему столь гуманно, отменив смертную казнь. Письмо к Президенту от вашего имени уже отправлено.

На мгновение у Андрея перехватило дыхание. Вроде бы не бывает так, чтобы все было напрасно, а вот поди ж ты, случается.

Удар старинного молоточка по столу. Занавес. Жаль только, некому оценить всю торжественность момента.

Хорошо, что хотя бы оставили право на пакет милосердия (медицинский планшет, недельный запас еды, вибронож, фильтр для воды), мрачно думал Андрей по пути в предварительную камеру. Хотя, если планета окажется непригодной для жизни, это ему мало поможет. И даже на самой распрекрасной планете Туннель может вывалить тебя в центр океана, или на полярную шапку, или в жерло вулкана, а еще есть болота и необитаемые

острова размером с кукиш. Пользуйся на здоровье всем подаренным на дне морском. Гуманисты чертовы, простая смертная казнь им не по сердцу.

Двери камеры мягко захлопнулись за его спиной, и Андрей наконец-то остался один. С того момента, как его привезли сюда, рядом с ним постоянно кто-то суетился: сперва один следователь, потом второй, потом инспектор и специалисты из прокуратуры, затем у него началась ломка, и прибежали врачи с блокираторами — нельзя, чтобы заключенный отдал Богу душу сам по себе, в этом непременно должно участвовать государство, которое одно вольно карать и миловать. И вот теперь он наконец-то один. Пять часов на сон, пять на считывание ДНК для транспортировки через Туннель и два на форс-мажор, который наверняка не возникнет.

— Добрый день, Андрей Петрович,— услышал он мягкий участливый голос.

— Черт побери,— усмехнулся Андрей.— Вот только-только я решил вздремнуть, а тут снова гости.

Высокий светловолосый человек в аккуратном пиджаке со значком Особого отдела на лацкане, казалось, неслышно выступил из стены или соткался из сухого кондиционированного воздуха. Внешность у него была под стать профессии: блеклая и не запоминающаяся. Андрей не любил такие лица. Никогда не знаешь точно, о чем думают их обладатели, и люди ли они вообще.

— Я не отниму у вас много времени, уважаемый доктор,— сказал он, усаживаясь без приглашения

на затянутую серым пластиком койку.— Кстати, присаживайтесь, в ногах правды нет.

Андрей послушно опустился на табурет. Значит, еще и особисты пришли по его грешную душу, а он еще крепко сомневался в том, что они вообще существуют, считая термин «незримые руки Гармонии» поэтической метафорой, не больше. Что ж, напоследок можно и убедиться в том, что метафоры могут воплощаться в реальность.

— У меня есть для вас информация, Андрей Петрович,— произнес особист.— Для начала: вы попадете на гуманоидную планету с индексом комфортности выше 85. Практически Земля, разумеется, не нынешнего уровня развития. Воздух, вода, климатические условия вам подойдут.

Андрей вопросительно вскинул бровь.

— С чего это вдруг такая щедрость? — спросил он, потому что действительно удивился.

— Считайте это подарком,— тонко улыбнулся особист,— от нашей службы. Ваш MDA для нас просто находка. Скажите, вы синтезировали его случайно или это была целенаправленная работа?

— Посмотрите протокол суда,— довольно резко посоветовал Андрей.— Там все написано.

Особист кивнул.

— Обязательно. Признаюсь честно: наша служба сделала все возможное и невозможное для того, чтобы скорректировать приговор. Прокурор настаивал на Саахе — жара да пустыни, возможность выжить минимальная. А Дея — неплохая планета, будем надеяться, что вы устроитесь там